

В последнем тексте наблюдаем значительные грамматические нарушения в форме глаголов, которые довольно частотны в английском ДФ из-за рифмы, легкости запоминания и произнесения.

На подобные вербальные нападения адресат может сурово, находчиво ответить – применит так называемую «антидразнилку». В русском ДФ – *Обзываешь ты меня, переводишь на себя*. В английском ДФ – *Now stop teasing me and start pleasing me!*

Как видим, жанровая система детского фольклора любого языка стремительно развивается и изменяется со сменой поколений – меняется поколение детей, изменяется характер их игр и репертуар текстов, появляются новые сюжеты и новые фольклорные творения, которые легко запоминаются, рифмуются, звучат и реализуются согласно традиционным канонам и формам, принятыми предыдущими поколениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по английской и американской детской литературе / сост. Н. М. Демурова, Т. М. Иванова. – М., Л. : «Просвещение», 1965. – 368 с.
2. *Opie, I. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / I. Opie, P. Opie. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – 592 p.*
3. *Смусь, М. А.* Роль фонетической структуры поэтического текста в создании ритмического движения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Смусь ; Моск. ордена Дружбы народов гос. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1988. – 21 с.
4. *Виноградов, Г. С.* Русский детский фольклор / Г. С. Виноградов. – Иркутск, 1930. – 234 с.
5. *Капица, О. И.* Детский фольклор / О. И. Капица. – Л. : 1928. – 222 с.
6. *Halliwell, J. O. The Nursery Rhymes of England / J. O. Halliwell. – London, 1886. – 192 p.*
7. *Halliwell, J. O. Popular Rhymes and Tales / J. O. Halliwell. – London, 1849. – 276 p.*
8. *Opie, I. The Lore and Language of Schoolchildren / I. Opie, P. Opie. – Granada : Orme Nicholas, 1977. – 320 p.*

Г. А. Назина

г. Минск, Беларусь

ХРОНОТОП И ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ КАК ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ВОЕННОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В настоящее время современный военно-политический конфликт становится объектом пристального внимания многих наук, в том числе и лингвистики. В этой сфере актуальными признаются вопросы языковой экспликации военно-политического конфликта в современных массмедиа.

В данном исследовании военно-политический конфликт трактуется как событие, состоящее из действий вооруженного и политического характера, которые направлены на разрешение различного рода противоречий как внутри одного государства, так и между разными государствами. Вооруженные действия при этом могут также определяться как война при таких формальных показателях, как официальное введение военного положения, интенсивность и масштабность самих боевых действий.

Обозначенный тип конфликта изучается на материале медиатекстов аналитического характера англоязычных СМИ о военно-политических событиях в Косово и Сирии.

Платформой настоящего исследования, а именно, выявления структурно-семантических особенностей репрезентации военно-политического конфликта в англоязычных СМИ, выступает военный дискурс, под которым понимаются тексты СМИ о военно-политическом конфликте в любом его проявлении.

Согласно социолингвистической типологии дискурса, предложенной В. И. Карасиком, военный дискурс представляет собой институциональный тип дискурса. Это такой тип дискурса, где адресант выступает как лицо, представляющее один из социальных институтов и, соответственно, действующее в рамках статусно-ролевых отношений. В данном случае социальным институтом является военно-политическая сфера. Институциональный дискурс противопоставлен персональному дискурсу/лично-ориентированному, при котором адресант раскрывает свой внутренний мир. Характеризуя изученную типологию дискурса, В. И. Карасик подчеркивает, что ее следует рассматривать как исследовательский прием, поскольку в условиях реального общения тот или иной тип дискурса редко наблюдается в своей абсолютной форме [1, с. 199].

В ходе детального изучения практического материала, а также анализа полученных результатов современных лингвистических диссертаций о военно-политическом конфликте нами были выявлены определенные характеристики военного дискурса в соответствии с параметрами, предложенными В. И. Карасиком при исследовании того или иного институционального дискурса. К таким категориям относятся: 1) участники, 2) хронотоп, 3) материал/тематика, 4) стратегии, 5) цели, 6) разновидности и жанры, 7) ценности (в том числе, ключевой концепт), 8) прецедентные тексты, 9) дискурсивные формулы [2].

Остановимся, прежде всего, на хронотопе и дискурсивных формулах военного дискурса, поскольку данные параметры способствуют выявлению особенностей репрезентации военно-политического конфликта в массмедиа в наибольшей мере с лингвистической точки зрения.

Под хронотопом военного дискурса понимается время и место интерпретируемых событий военно-политического конфликта. Категории времени и места, в особенности времени, играют большую роль в экспликации военно-политического конфликта, поскольку оба исследуемых конфликта являются глобальными конфликтами мирового сообщества с присущими им свойствами продолжительности и масштабности.

При рассмотрении того или иного военно-политического конфликта категория времени указывает на такие его аспекты, как история, актуальность, длительность, незавершенность, прогноз развития и пути разрешения.

Например, история военно-политического конфликта репрезентируется посредством: наречий времени *then* ‘тогда’ (здесь и далее перевод наш – Г. Н.), *at that time* ‘в то время’; обстоятельствами времени с указанием года *in the 1990s* ‘в 90-е годы’, *in the early 1990s* ‘в начале 90-х годов’, *in 1999* ‘в 1999 году’, *in 2011* ‘в 2011 году’ и придаточных предложений времени во временной форме *Past Indefinite* ‘прошедшее неопределенное’. В текстах о Косово такие маркеры указывают на период балканских войн, которые послужили причиной конфликта в Косово, а в текстах о Сирии – на начало в ней гражданской войны: *Kosovo's rupture with Serbia was sealed the day Slobodan Milosevic dispatched troops to crush the rebellious province in 1999 during the Balkan wars. Some 10,000 Kosovars died. The United States, Canada and European allies bombed Serbia to force an end to the ethnic cleansing, and the United Nations made Kosovo a protectorate* ‘Разрыв Косово с Сербией был предрешен в тот день, когда Слободан Милошевич направил войска с целью уничтожить бунтующую провинцию в 1999 году во время балканских войн. Около 10 000 косоваров погибло. США, Канада и европейские союзники бомбили Сирию, чтобы положить конец этнической чистке, а ООН сделала Косово протекторатом’ [3].

Актуализация насущных проблем военно-политического конфликта происходит с помощью наречий времени *this time* ‘сейчас’, *today* ‘в настоящее время’, *now* ‘теперь’, *at present* ‘на данный момент’, *at the moment* ‘на сегодняшний день’ в предложениях во временных формах Present Continuous ‘настоящее продолженное’, Present Indefinite ‘настоящее неопределенное’ и Present Perfect ‘совершенная форма настоящего времени’: *The truth is no amount of managing, coaxing or even military action by international powers – including the West – could have saved Syria from becoming what it is today, because Syria has for a long time been a country divided* ‘Правда состоит в том, что никакие меры управления, уговоры или даже военные действия международных держав – включая Запад – не смогли бы спасти Сирию от ситуации, в которой она находится сегодня, потому что Сирия уже долгое время является разделенной страной’ [4].

Оценочные прилагательные в словосочетаниях *a never ending war* ‘бесконечная война’, *a protracted campaign* ‘затяжная кампания’, *a long war* ‘долгая война’ и временной аспект Perfect ‘совершенная форма’ используются для обозначения незавершенности военно-политического конфликта, а его длительность маркируется посредством обозначения количества лет как самостоятельно *six years* ‘шесть лет’, так и в словосочетаниях типа *a six-year war* ‘шестилетняя война’.

Условные конструкции 1-го и 2-ого типа и временные формы Future ‘будущее’, используемые для выражения возможности и вероятности действий, способствуют раскрытию прогноза развития военно-политического конфликта

и путей его разрешения. Наречия времени *soon* 'скоро', *in future* 'в будущем', *some day* 'однажды', *further* 'далее', *tomorrow* 'завтра' также являются маркерами аспекта «прогноз развития военно-политического конфликта».

В целом, категория времени помогает адресату лучше сориентироваться в хронике событий того или иного военно-политического конфликта. Вследствие этого у него есть все предпосылки для формирования целостной картины о данном явлении военно-политической сферы деятельности.

Так же, как и описанная категория, категория места имеет большое значение при освещении военно-политического конфликта. Она используется, главным образом, при обозначении: местности/типа местности нахождения участников военно-политического конфликта и проведения вооруженных действий (с помощью: топонимов *Kosovo* 'Косово', *Syria* 'Сирия', *Aleppo* 'Алеппо', *the Balkans* 'Балканы', *Russia* 'Россия', *England* 'Англия', *the US* 'США', *Canada* 'Канада', *Washington* 'Вашингтон', *Moscow* 'Москва', *the Middle East* 'Средний Восток' и оценочных прилагательных с ними *an independent Kosovo* 'независимое Косово', *the unstable Middle East* 'нестабильный Средний Восток' / существительных *area* 'область', *country* 'страна', *region* 'регион', *province* 'провинция', *zone* 'зона', *territory* 'территория', употребляемых как самостоятельно, так и в словосочетаниях оценочного характера *contested regions* 'оспариваемые регионы', *a divided country* 'разделенная страна', *a zone of violence* 'зона кровопролития'), а также масштабности по охвату территории (посредством оценочных прилагательных в словосочетаниях типа *a far-flung civil war* 'война, охватившая большие территории', *a global conflict* 'глобальный конфликт', *a vast territory* 'обширная территория' и лексических единиц во множественном числе, которые указывают на местность/тип местности и используются как самостоятельно, так и с определениями *most* 'большинство/большая часть', *whole* 'весь', *all* 'все' в словосочетаниях *to destabilize other areas of the world* 'дестабилизировать другие части мира', *countries of the whole world* 'страны всего мира', *all the Balkans* 'все Балканы').

С помощью хронотопа события военно-политического конфликта репрезентируются достоверно и убедительно, что, в свою очередь, способствует воздействию на адресата в удобном для адресанта ключе.

Анализируя дискурсивные формулы того или иного дискурса, необходимо отметить, что согласно В. И. Карасику под ними понимаются «своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [1, с. 233].

К дискурсивным формулам военного дискурса относятся принятые в военно-политической сфере клише и функционально-обусловленные обороты, которые однозначно определяют тип данного дискурса.

Спектр дискурсивных формул здесь весьма широк. Это объясняется тем, что реализация характерной для этого типа дискурса стратегии воздействия одновременно осуществляется через апелляцию к разуму, что «роднит» аналитический медиатекст с научным, а также через апелляцию к чувствам и эмоциям, подобно художественным текстам.

Обращение к разуму происходит через выстраивание аргументативной канвы. Для военного дискурса в этом отношении свойственны определенные логические приемы. Среди них выделяются: констатация того или иного проблемного аспекта военно-политического конфликта; сравнение – например, ситуации настоящего военно-политического конфликта с ситуацией других военно-политических конфликтов; спецификация той или иной проблемы военно-политического конфликта, для представления которой очень часто используется структурирование информации с помощью коннекторов, например, *first(ly)* ‘во-первых’, *second(ly)* ‘во-вторых’, *third(ly)* ‘в-третьих’, *finally* ‘в заключение’; а также вывод в отношении определенной проблемы военно-политического конфликта, вербализирующееся посредством вводных слов: *so far* ‘к настоящему времени’, *in short* ‘иными словами’, *briefly* ‘в двух словах’, *to sum up* ‘подводя итог’, *in conclusion* ‘в завершении’.

Активизация эмоций подкрепляется привлечением разнообразных экспрессивных приемов и средств: создающих образы тропов, усиливающих их фигур речи и эмоционально окрашенных лексических единиц. В связи с указанным обстоятельством приведем примеры некоторых лексических приемов и средств, характерных для военного дискурса:

- метафора – *indulging in incendiary rhetoric* ‘предаваясь подстрекательным речам’, *bending on the nuclear issue* ‘делая уступки в отношении ядерного вопроса’, *the far more stable face of Afghanistan* ‘гораздо более стабильное лицо Афганистана’;

- эпитет – *an exquisite sense of timing* ‘обостренное чувство времени’, *this alleged war fever* ‘эта мнимая военная лихорадка’, *wild speculation* ‘сумасбродное предположение’, *a vital question* ‘жизненно-важный вопрос’, *mud-walled homes* ‘дома, облепленные грязью’, *clustered communities* ‘расположенные группами поселения’, *an unholy alliance* ‘дьявольский союз’, *inscrutable subtleties* ‘непостижимые тонкости’, *hidebound thinking* ‘ограниченное мышление’, *a guerrilla-style enemy* ‘враг партизанского типа’, *bloated management* ‘напыщенное руководство’;

- ирония – *revolutionary ideals* ‘революционные идеалы’, *transforming instantly from warriors to peacemakers* ‘превращаясь моментально из бойцов в миротворцев’, *Canada’s enduring cultural love affair* ‘длительная любовная связь Канады по линии культуры’;

- оксюморон – *war-happy* ‘радующийся войне’, *an incompatible alliance* ‘неравный союз’, *a friendly enemy* ‘дружелюбный враг’;

- синонимы: *soldier* ‘солдат’ – *military man* ‘военный’ – *warrior* ‘воин’ – *trooper* ‘рядовой’ – *partisan* ‘партизан’ – *freedom fighter* ‘борец за независимость’ – *guerilla* ‘боевик’ – *insurgent* ‘повстанец’, *enemy* ‘враг’ – *opponent* ‘оппозиционер’ – *foe* ‘противник’ – *rival* ‘соперник’, *explosion* ‘взрыв’ – *blowing up* ‘взрывание’ – *detonation* ‘детонация’ – *blast* ‘взрывная волна’;

- штампы – *the stone-age family* ‘семья из каменного века’, *one-on-one* ‘один на один’, *to play by our rules* ‘играть по нашим правилам’, *to rise from the ashes* ‘восстать из пепла’;

• инновации – *deeply buried weapons' installations* ‘установки вооружения глубокого погружения’, *a bunker buster bomb* ‘противобункерная авиабомба’, *a low-yield nuclear weapon* ‘ядерное оружие малой мощности’, *counter-insurgency* ‘антиповстанческая деятельность’, *opium-processing drug lords* ‘наркобароны опиума’, *combat capability* ‘боевая мощьность’;

• разговорные элементы – *gung-go* ‘полный энтузиазма’, *a nuke* ‘ядерное оружие’, *a slog* ‘утомительная работа’, *the top Canadian brass* ‘военное руководство Канады’, *no problem* ‘без проблем’, *kid* ‘парень’.

Подводя итог проанализированным параметрам военного дискурса, необходимо отметить, что они, так или иначе, проявляются в медиатекстах аналитического характера о военно-политическом конфликте. Поскольку данный тип текста является основой военного медиадискурса, представляется целесообразным провести его дискурсивный анализ для выявления языковых особенностей репрезентации изучаемого события – военно-политического конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
3. Wielaard, R. Recognize Kosovo [Electronic resource] / R. Wielaard // The Star. – 2008. – 22 Feb. – Mode of access : <https://www.thestar.com/opinion/2008/02/20/recognize-kosovo.html>. – Date of access : 22.02.2016.
4. Gentle, I. Syria has long been a country divided [Electronic resource] / I. Gentle // The Star. – 2015. – 22 March. – Mode of access: <https://www.thestar.com/opinion/commentary/2015/03/22/syria-has-long-been-a-country-divided.html>. – Date of access: 22.02.2016.

М. Ю. Некрасова

г. Севастополь, Крым

ОБРАЗ КРЫМА В БРИТАНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Понятие образа в современной парадигме знания трактуется достаточно широко. Особый интерес вызывает когнитивная природа образа. С развитием когнитивной лингвистики, в процессе изучения концепта, ученые пришли к выводу, что образ и концепт – понятия иерархически связанные (В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, В. А. Шегал). Образ – универсальный способ познания окружающей действительности, формирующий картину мира [1, с. 130]. Когнитивный образ формируется путем «материализации»